

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА

Цель данной статьи заключается в необходимости продемонстрировать возможности категории интерсубъективности для социальной философии, показывая её эвристическое значение при анализе путей развития современного общества и отдельного человека. Рассмотрение интерсубъективности в контексте опыта различных субъектов, находящихся в ситуации взаимной коммуникации, позволяет осуществить соотнесение субъектов опыта – акторов с ситуацией диалога.

Ключевые слова: интерсубъективность, «Другой», опыт, диалогичность, коммуникация, диалог.

The aim of this article is to present possibilities of category of intersubjectivity for social philosophy, showing its heuristic value in the analysis of the ways of development of modern society and of an individual. Consideration of intersubjectivity in the context of experience of various subjects which are in a situation of mutual communication allows actualization of correlation between subjects of experience – actors and a dialogue situation.

Key words: intersubjectivity, «The Other», experience, dialogueness, communication, dialogue.

Вектор развития современного общества определяется парадоксальным смыслом метафоры «горячий лёд», поскольку яркость метафоры, заключается, прежде всего, в её способности «показывать» смысл, который она выражает. Для того чтобы «показать» смысл данной метафоры необходимо прежде всего отталкиваться от понимания, что любое поступательное движение общества вперед возможно лишь при соблюдении предельной осторожности. Именно в этой предельной осторожности скрывается осознание опасности эпохи постмодернизма, код страха перед «молчаливым» будущим

человечества, за тысячелетнюю историю своего существования так и не сумевшего вывести формулу уравнения человеческого счастья.

Перефразируя И. Гёте, можно утверждать, что внутри эпохи нет высот, с которых видна вся эпоха. Тем не менее, областью, куда следует обязательно проникнуть, чтобы услышать «голос эпохи», выступает философия. Оказавшись в пространстве философии, общество открывает и дух эпохи, и «познаёт себя», поскольку все понятия философии обращены, в конечном счёте, на познание человека: бытие – небытие – мышление, сознание – материя, дух – природа,

культура – натура, телесность – душевность – духовность, абстрактное – конкретное, «Я» – не «Я», «Другой».

Мы полагаем, что вся история философской мысли есть условие, необходимое человечеству, чтобы осмыслить сверхмыслимую, выразить невыраженную, понять парадоксальную природу человека, сущность личности как сверхкультурного бытия человека. Эти идеи становятся созвучны идеям постмодернизма, допускающего нетривиальные оценки традиционных научных взглядов и суждений. Та максимальная «универсализация», присущая эпохе модерна, в наступившей эпохе уже не может быть сохранена путём простого «механического» действия, применяемого в отношении отдельного человека или целых государств. Расширяя горизонт сознания от границ всемирного «Мы» к интересубъективному «Я», человек эпохи постмодернизма оказался перед необходимостью выбора иной организации передачи опыта «как единственной почвы для общечеловеческого мировоззрения» во всём его многообразии, во всех его составляющих. В рамках опыта происходит формирование нового органического соединения, образующего различные формы, столь необходимые в построении здания «всеобщего мировоззрения».

Именно в этом обращении к опыту через «Я» – «Другой», выкристаллизованные постмодернизмом, мы обнаруживаем истоки переживаемых величайших революций в мировоззрении современного общества, разрывающие или консолидирующие его¹. По мнению П. Козловски, если

человек начинает воспринимать себя как умную машину, это неизбежно порождает проблемы в тех областях, где человеческие конфликты и трудности не могут быть решены по образцу техники: в межличностной сфере сосуществования и во всех пограничных ситуациях, как, например, рождение (искусственное оплодотворение), супружество (выбор и постоянство партнёра в браке), смерть (искусственное продление жизни). Техническое мышление с его расчётом оптимальных величин движения цели и параметров окружающей среды делает невозможным экзистенциальное решение².

В пульсирующем биении времени происходит наполнение трагическим смыслом метафоры «горячий лёд», к которой мы прибегли, предвосхищая дальнейшие наши рассуждения. И здесь нам хотелось бы сослаться на мнение Поля Рикёра, считавшего, что метафорическое значение состоит не столько в семантическом конфликте, но и в новом продикативном значении, которое возникает из руин буквального значения³, то есть значения, возникающего при опоре только на обыденные или распространённые лексические значения. Тогда, в этом новом осмыслении, метафора, переставая быть загадкой, становится ключом её решения.

В своём исследовании мы обращаемся к рассмотрению интересубъективности, соотнося её с ситуацией диалога. Общение людей, основанное на практическом бытии, предполагает диалог, который ведёт к тем или

¹ Введенский А.И. // Богословский вестник. – 1893. – № 6. – Т. I. – С. 188.

² См.: Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Издательство «республика», 1997.

³ См.: Рикёр П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. – М.: Издательство «Прогресс», 1990.

иным видам и уровням понимания и взаимопонимания. Стагнация возможностей диалога, разрывы в понимании других людей, разрушение взаимопонимания между социальными группами, субъектами деятельности являются той почвой, на которой произрастают и воспроизводятся разнообразные виды проблематизации жизни человека – от межличностных конфликтов до мировых войн, от проблем бытия отдельного человека до множества глобальных проблем современного человечества.

Обращение к диалогу как особой форме социальной конструкции, историческому типу общения позволяет определять диалог как центральное философское понятие и как ключевую метафору современной эпохи. При этом следует отметить, что определение диалога как научного понятия, достаточно условно и не выдержано в едином режиме. Несмотря на глубокий анализ М. Бахтиным «диалогичности» и «всеобщности диалога», их понимание в XX столетии расширилось весьма произвольными интерпретациями, что свидетельствует о невыявленности философских оснований и функциональной сущности диалога⁴. В то же время диалог предполагает взаимодействие рационально мыслящих субъектов, ставящих для себя цель поиска истины, существование которой не вызывает у них никакого сомнения. Именно в этом проявляется стратегия диалога, как разрешения конфликта между двумя рациональностями. Однако мы можем также предположить, что «Другой» изначально предполагает отличную от нас рациональность,

делая диалог с «Другим» невозможным. Обращаясь к «Другому» мы не всегда обязательно можем быть поняты «Другим», что, безусловно, накладывает существенные ограничения на коммуникативные теории и диалогичность. Тем не менее, задача философии заключается в том, чтобы учесть человеческую целостность. В то же время для осуществления данной цели, оказывается, недостаточно сделать собственное «Я» объектом познания. До тех пор, пока человек рассматривает себя в качестве объекта, узнавая себя лишь как «вещь среди вещей», его искомая целостность не может быть найдена.

Подобного рода мировоззренческие идеи создают общий посыл как условие углубления в «материал интерсубъективности», воспринимаемый как весьма сложный процесс, выстроенный познанием человека во всех его социальных формах и фактах существования, «заданности его бытийствования», переходящие в XX столетии в феномен интерсубъективности. Более того можно предположить, что феномен интерсубъективности в XXI веке вытесняет феномен диалога.

Рассматривая интерсубъективность как феномен социальной психологии, позволяющей фиксировать и анализировать межличностные феномены, рождающиеся в процессе диалога, интерсубъективность становится уникальной почвой для раскрытия внутреннего мира человека. В мятежном противостоянии внутреннего мира человека мы также обнаруживаем истоки интерсубъективности, допускающие экстернизацию личностных установок, противоборство убеждений, вкусов, предпочтений, способствуя достижению согласия между всеми

⁴ Никитин С.В. Понимание науки в современном мире // Человек в условиях модернизации современного общества. – Саратов, 2013. – С. 9

участниками коммуникации. Благодаря подобному столкновению, человек становится личностью, которую понимают. Следовательно, предметом понимания является внутренний мир личности, которому свойственны такие проявления, как способность выбирать, принимать решения, способность желать. Осмысление внутреннего мира личности привело к пониманию соотносительности таких понятий и их предметных областей, как свобода выбора и способность желания. «Нам надо лучше понимать душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче, чтобы их избежать, пока ещё есть время»⁵.

Какие свойства человеческой природы находятся на горизонте очевидностей теоретически подготовленного (запрограммированного?) человека? Он – существо, характеризующееся орфическим дуализмом титанического и дионисийского начал, пифагорейским дуализмом души и тела. Человек в изысканиях философов понимается как существо разумное и политическое, деятельное и продуктивное, конкретное в своей телесно-душевно-духовной определённости, несамодостаточное и нуждающееся в «Другом», природное, социальное и личностное. Он (человек) – конечное единство бытия и небытия, конкретная космо- и бионическая психическая и социальная реальность. Он – непрерывное становление и творчество. Интересно, что, абстрактно размышляя, к человеку можно отнести все мыслимые, категориально заданные характеристики. Это может означать, что исторически конкретное философское учение, познавая человека, конструирует, задаёт его образ, норму, идеал, целе-

сообразный обществу в его наличном бытии. По этой, вероятно, причине мы не знаем человека вообще, но хорошо знаем образ человека, человека – норму, человека – идеал. Когда происходит разлом исторических способов бытия человека, возникает неизбежность переоценки всех ценностей.

Это далеко не полный перечень нюансов, прописывающих и указывающих на особую сущность феномена «человек». Одно нам важно подчеркнуть, что собственно раскрывая феномен человека, мы приближаемся к открытию феномена intersубъективности. Определяя социальную сущность intersубъективности, мы одновременно фиксируем её функциональную полионтологичность, открывающую возможность человеку разобраться в своём внутреннем «Я», заглядывая «в себя» и осознавая, что же «несёт в себе» intersубъективность. Включая феномен intersубъективности в процесс коммуникации, мы получаем достаточно очевидное содержание самого процесса коммуникации, как передачи информации, возникающее в коммуникационном общении между людьми. В то же время именно intersубъективность является той удивительной «субстациональной силой», позволяющей образовывать многогранные системы философского отчёта, в которых человек и общество раскрываются и реализуются, оказываясь, зачастую, в ситуации выбора.

Метафизический аксиологический выбор человека, общества, человечества историчен по своей природе, по своему генезису. Творческая, сверхнормативная, сверхкультурная природа личности оставляет открытой возможность гармонизации человечества в условиях наличного культурно-аксио-

⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М., 1986. – С. 82.

логического релятивизма. Теперь представляется необходимым остановить внимание на этических характеристиках дискурса, которые формируют его нормативную базу в поле открытости, свободы, а так же равноправия, как фундаментальных ценностей.

Аргументированность (свобода от принудительных действий). В коммуникативном пространстве очень большое значение приобретает аргумент. Конфликтная ситуация в поле дискурса не гасится, а трансформируется в борьбу за лучший аргумент. Попытка открытого или завуалированного принуждения какими бы то ни было средствами является противоправной в рамках аргументативного дискурса.

Компетентность. Участие в дискуссии предполагает, что субъект обладает определённой информацией, знаниями (навыками и умениями); имеет выработанное отношение (мнение) о предмете дискуссии, то есть обладает определёнными установками, включённостью в те или иные социокультурные контексты, прежде всего, в нормативные системы, что позволяет реализовать определённые рациональные стратегии и поиски аргумента.

Равноправие. В условиях коммуникации особую ценность приобретает грамотная аргументация, которая не берёт во внимание авторитетность аргументирующего. Дискуссия с необходимостью предполагает под собой абсолютное и бесспорное равноправие каждого своего потенциального или актуального агента.

Открытость. Принцип открытости в условиях аргументативного дискурса закрепляет за каждым участником коммуникации право на участие в существующих дискуссиях и открытие совершенно новых. Таким образом, дис-

курсивная этика предполагает «принципиальную непатерналистичность». Дискурс не обосновывает существование «экспертократии» – напротив, здесь имеет право на существование любой аргумент, который кажется участнику оправданным в данном контексте дискуссии. Согласно принципу открытости любой партнер по дискурсу может высказать свою точку зрения на любую тему, находящуюся в сфере его интересов, даже если это высказывание не будет экспертного характера⁶.

Таким образом, в пространстве постмодернизма, проблема соотносительности интересубъективности в ситуации диалога изначально очевидна. Негативная оценка, даваемая человеком современному обществу, выступает одним из условий его ухода от реального существования к «неподлинному» – то, что Ф. Ницше обозначал «уход в свою пустыню». Эта реакция на общественную несправедливость является одним из опасных проявлений общества постмодернизма. Разрывая отношения с обществом, человек делает невозможным существование диалога.

В философском плане интересубъективность, как поле взаимодействия субъектов – акторов, позволяет человеку «существовать лично», находясь в диалоге, нейтрализуя личностные установки, убеждения, предпочтения, достигая консенсуса между независимыми участниками коммуникации. Нам представляется, что именно в этом уникальном «механизме» феномена интересубъективности скрывается глубокая философская тема, открытая сегодня для широкого научного дискурса.

⁶ См.: Шелепин Л.А. Информационная составляющая глобализации // Россия в условиях информационной глобализации: Докл. Методол. семинара ФИАН. Вып.4. – М.: ФИАН, 2001. – С. 4-8.